

**Ovid's Poetry of Romanian Period
in Terms of the Reflection of Ethno-psychological Peculiarities
of the North-Western and Eastern Black Sea Region**

Olga Kudinova¹

Abstract: The author explores the poetic works of the great Roman poet Publius Ovidius Naso, written during his exile on the west coast of the Black Sea. His "Tristia" and "Epistulae ex Ponto" are valuable ancient sources of ethno-psychology of North-Western and Eastern Black Sea region. The undertaken research is aimed at understanding the features of the symbolic world and cultural values of this region's population.

Keywords: poetic works; ethno-psychological peculiarities; cultural values

Творчество великого римского поэта рубежа нашей эры Публия Овидия Назона (43 г. до н.э. – 17 или 18 г. н.э.) начало интерпретироваться критиками еще при жизни поэта и этот процесс продолжается уже более двух веков. Направленность исследований и толкований зависит от социальных, религиозных, литературных и прочих контекстов различных культурно-исторических эпох.

Изучение произведений Овидия периода понтийской ссылки уже давно стало одной из ведущих отраслей антиковедения. Как всякое творение гения, «Скорбные элегии» («Tristia»), которые овидиеведы также называют «Тристиями» либо «Скорбями» и «Письма с Понта» («Epistulae ex Ponto»), реже переводимые как «Понтийские элегии», сложны и полифоничны и поэтому каждый год обогащаются работами ученых, выступающими как продолжение конкретных исследований в русле намеченных ранее направлений и подходов либо как появление новых актуальных открытий.

В начале XXI в. появился ряд монографий, этапных для овидиеведения указанного периода. Анализ этих трудов убеждает, что в русле новых тенденций современной филологической науки в изучении творчества

¹ Izmail State Liberal Arts University, Ukraine, Address: 12, Repin St., Izmail, Odesa oblast, Ukraine, 68600, Tel: +380930455577, Corresponding author: iaolechka@mail.ru

великого римского поэта обозначился поворот к проблематике, которая относится к исследовательским приоритетам социальной направленности, связанным с антропологией и историей ментальностей. В этом контексте следует отметить работы филолога Ж.Ф.Гертнера, предлагающие переработанный текст перевода «Писем с Понта», а также его масштабный комментарий, в котором значительное внимание уделяется анализу отличий данного произведения от остального творчества поэта. Исследование показывает, что Овидий тщательно регулирует стилистический регистр в зависимости от адресатов своих поэтических посланий и в целом использует более разговорный и прозаический стиль (Gaertner, 2001; Gaertner, 2005).

Своеобразный ракурс в изучении проблемы «Овидий и тема смерти», предложил французский академик, министр образования Франции с 2007 по 2009 гг. К. Дарко. Ученый рассматривает ее как картину эволюции религиозных ментальностей на стыке тысячелетий. В его монографии показывается, как интеллеktуал, сформированный античным воображаемым, с помощью своей чувствительности и личной драмы смог открыться новой эре, восстать против пропагандируемой Октавианом Августом мифологической и религиозной реставрации, почувствовать обреченность своего изысканного мира. Таким образом, выделение и анализ овидиевского мотива смерти становится для французского академика попыткой определения менталитета римских элит того времени, одновременно просвещенных и суеверных, нерешительных по отношению к судьбе Рима и ошеломленных ускорением истории (Darcos, 2009).

Актуальным является труд американского ученого, доктора классической философии М.Макгоуэна, исследующий овидиевские «Скорбные элегии» и «Письма с Понта» как топосы интеллектуального убежища поэта в ответ на ссылку римским императором Октавианом Августом на Черное море в 8 г. н.э., откуда он смог сказать о том, как и почему его искусство было запрещено законом и брошено на обочине империи. Ученый полагает, что, будучи последним из поэтов Августа, Овидий находился в уникальной позиции для оценки своего собственного положения, а также места поэзии в культуре, глубоко реструктурированной во время длительного правления первого императора Рима. М.Макгоуэн, в частности, анализирует представление Овидия о себе и императоре Августе в контексте римской религии, права и поэзии. Исследователь рассматривает изгнание в указанных произведениях как место подлинного страдания и метафору для маргинализации поэзии. (McGowan, 2009). Действительно, понятие маргинальность (от позднелат. *marginalis* – находящийся на краю) весьма органично подходит к определению как творческого, так и физического положения Овидия, емко характеризуя промежуточность, «пограничность» поэта между своей и чуждой ему социальными группами, что наложило своеобразный отпечаток на его «Скорбные элегии» и «Письма с Понта».

Римлянин настойчиво отвергает особенности той культуры, в которой ему предписано находиться, и пытается интерпретировать ее с позиций системы норм и ценностей квинта. Овидий жил в период становления Римской империи, он родился через год после убийства Юлия Цезаря, был подростком, когда Август использовал власть для превращения республики в империю, и умер через три года после смерти первого императора. Маргинализация поэта, на наш взгляд, стала результатом изменений социальной структуры современного ему римского общества и формирования новых постулатов его развития, пропагандируемых императором Августом, который стремился различными способами вытеснять людей, в той или иной степени дестабилизирующих его положение. Вынужденная маргинальность Овидия в конце концов послужила стимулом развития его творческой личности, однако сложное вхождение в новое сообщество и отчуждение от отторгающего его Римского социума, стали трагедией последних девяти лет жизни поэта.

Произведения Публия Овидия Назона, написанные во время ссылки на западное побережье Черного моря, отображают специфику культуры, ценностные ориентации населения Северо-Западного и Восточного Причерноморья, особенности его мировосприятия и мировидения, представляя, хотя и недостаточно полно, разные сферы жизни, а потому являются важными носителями культурной информации и ценными источниками лингво-страноведческих, культурологических и этнопсихологических исследований. Подробное изучение «Скорбных элегий» и «Писем с Понта» в таком ракурсе в филологических работах еще не проводилось, что обуславливает научную актуальность выбранной темы исследования, которое не претендует на исчерпывающую полноту, но лишь способствует выработке определенной постановки проблемы, привлечению внимания к тем факторам и аспектам, которые представляются значимыми с высоты современных знаний, но пока не нашли эксплицитного выражения в специальных трудах. Что касается методов исследования, то для изучения названного феномена наибольшее значение имеет контекстуальный, семиотический и лексический анализ, нацеленные на установление корреляций между структурными, жанровыми и языковыми особенностями привлекаемых текстов, с одной стороны, и мировосприятием их автора, элементами представленных у него ценностных систем – с другой. При извлечении и интерпретации информации из указанных источников применялся автобиографический, филолого-исторический, герменевтический метод, метод структурного анализа, а также другие принятые в современном филологическом познании приемы и процедуры анализа.

Для изучения обозначенного спектра вопросов представляется необходимым очертить ряд биографических подробностей жизни Назона,

который прошел путь от баловня «благодатного века» до опального изгнанника. Еще в молодости, отказавшись от навязываемой отцом юридической и административной стези, он выбирает своим истинным призванием поэзию, благодаря которой становится известным и знаменитым. По завершении риторического образования Овидий, как это было принято в аристократических семьях, отправился путешествовать в Грецию, посетил Афины, а затем Малую Азию и Сицилию. Впечатления от путешествия, знакомство с греческой культурой, искусством и бытом нашли свое отражение в дальнейшем творчестве поэта. В результате третьего брака с Фабией, сестрой Паулюса Фабия Максима, Овидий входит в круг римской аристократии, связанной узами родства с Юлием Цезарем и самим императором Августом. Новое социальное положение могло бы помочь ему сделать блестящую карьеру, но Овидий отказывается быть соучастником императорского режима, подавляющего любые политические и личные свободы, хотя многим поэтам того времени приходилось «превозносить официальную идеологию, чтобы сохранить независимость личного существования» (Moreva-Vulikh, 2000, p.237). Благодаря прямоте и широте, с которой он выразил настроение молодого общества новой эпохи, поэт стал популярен, пользовался уважением и дружбой высших римских личностей своего времени, общался с такими поэтами, как Гораций, Тибулл и Проперций. «Жил он открыто и хлебосольно, за добрый нрав пользовался общей любовью и всегда был окружен друзьями; память об этих друзьях осталась в «Письмах с Понта» (Gasparov, 1982, pp.194 – 195).

Осенью 8 г. н.э. по указу Августа Овидий был отправлен в изгнание в Малую Скифию на берег Черного моря, в Томы, куда прибыл весной в 9 г. н. э. Для успешного, признанного баловня столичного общества эта ссылка «на край земли» стала катастрофой. Опалу Овидий считал временной и исчерпывающих сведений о побудительных мотивах не предоставил. Таким образом, истинные причины ее остаются до конца невыясненными, однако «гипотез о том, в чем состоял «проступок» Овидия за пять с лишним веков филологической науки накопилось столько, что недавний обзор их занял довольно толстую книгу, а приложенный к ней далеко не полный перечень насчитывает 111 аргументированных мнений» (Gasparov, 1982, p.199). В современной научной литературе, относящейся к теме исследования, данный вопрос является дискуссионным. Одни биографы делают акцент на том, что Овидий примыкал к оппозиции режиму Августа, другие считают, что своим свободомыслием он не угодил некоторым определенным властным структурам (в частности, Юлии, жене Октавиана) и именно поэтому был сослан на берега Понта (Drimba, 1963), третьи утверждают, что его выслали за фривольную книгу «Наука любви», которая, по мнению Октавиана Августа, способствовала падению нравов. Заметим, это произведение было написано и всеми признано за восемь лет до высылки

автора, поэтому никак не могло быть реальной причиной столь беспримерного наказания, хотя, возможно, стало его поводом. Нам импонирует следующая точка зрения на причину опалы поэта: «Но не потому, что он был в оппозиции «режиму Августа» – скорее наоборот, потому что он был прямым порождением этого режима, сознавал это, был ему благодарен, любил его и воспевал его. А режим хотел, чтобы его воспевали не за то, чем он был, а за то, чем он желал быть – или по крайней мере желал казаться. Трагической жертвой этого взаимонепонимания и оказался Овидий» (Gasparov, 1982, p.189). Император не лишил его римского гражданства и состояния, а также возможности продолжать писательскую карьеру и общаться с родными и друзьями. Со своим имуществом и рабами поэт селится на близком к побережью острове (сегодня он находится в лагуне к северу от Констанцы), где строит свою виллу и проводит последние годы жизни. Исследователи акцентируют внимание на том факте, что ни современники, ни ближайшие потомки (как Сенека), ни позднейшие историки (как Тацит) не оставили ни единого упоминания о ссылке Овидия, хотя порою, казалось бы, этот пример сам просился им под перо. Все, что мы знаем, известно из упоминаний самого Овидия в «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта» (Gasparov, 1982, p.197).

Как следует из исторических источников, приютивший римского изгнанника город Тома (Томис) первоначально был древнегреческой колонией, основанной около 500 года до н.э. для торговли, а в 29 г. до н.э. был захвачен римлянами. По свидетельству самого Назона, по-латыни в городе не говорил никто; основным его населением были геты (считается, что греки так называли даков, вероятно, поэтому иногда историки используют определение «гето-даки») и сарматы, «буйные» и «драчливые», меньшинство – греки, давно перенявшие «варварский» выговор и «варварскую» одежду, и скифы. В настоящее время язык гетов (он относится к индоевропейской семье языков, к группе, включающей санскрит, скифский, персидский и др.) исчез, утеряна и поэма, которую Овидий (как он утверждает в одной из элегий), живя в Томах, написал на гетском языке. Немногочисленные заимствования из этого языка, например, «brad» (ель), «mazăge» (горох), «moş» (дед), «brânză» (брынза) вошли в современный румынский язык.

Содержание понтийских элегий является самобытным источником информации о Томах и других городах Западного Причерноморья, о взаимоотношениях греков и варваров, об этническом составе этой территории, климате и природе края и других составляющих жизни Причерноморья. Филолог-классик и историк-антиковед А.В. Подосинов, работавшая над вышеуказанными поэтическими сочинениями Овидия в качестве исторического источника о Нижнем Дунае, где поэт лично ознакомился с различными сторонами жизни местного населения, акцентирует внимание

на ценных сведениях, которые Овидий дает о местных племенах (сарматах, языгах, гетах, скифах и др.), о борьбе северодунайских гетов против римского проникновения в низовья Дуная, об организации обороны дунайского лимеса, о процессах, которые протекали в греческом полисе, живущем в условиях «варварского» окружения, и т.д. Комментируя тексты поэта, российский профессор, однако, отмечает, что вся историческая информация Овидия, будучи вкраплена в поэтический текст его понтийских элегий, нуждается в тщательной проверке степени ее достоверности: «Необходимость учета и публикации всей совокупности данных Овидия о жизни в Томах и шире – в низовьях Дуная – вызвана сложным и противоречивым характером художественного отображения окружавшей поэта действительности. Так, одной из характерных особенностей повествования Овидия является постоянное перенесение черт, свойственных положению Добруджи в целом, особенно ее придунайских областей (для которых обычными были набеги из-за Дуная варварских гето-сарматских племен), непосредственно на территорию Том и их ближайших окрестностей. Племена и народы, о которых Овидий в одних случаях сообщает как о задунайских (что подтверждается и другими источниками), неожиданно оказываются в изображении Овидия его ближайшими соседями, живут с ним в одном городе, определяют социально-политический и культурный облик Том, поэт рассказывает об их внешнем виде и обычаях и даже будто бы усваивает их языки. Обобщенно-поэтический облик «скифской» страны, в которой вынужден жить Овидий, создается им с постоянной оглядкой на характернейшие черты скифо-сарматского варварского мира, откуда переносятся даже свойственные северным странам климатические особенности («полярный» климат). Поэтому расчленив два ряда данных: 1) о за- и придунайских племенах и 2) о внутритомитанской этносоциальной ситуации, а затем опустить второй ряд как не имеющий отношения к отечественной истории (Добруджа входит в территорию Румынии) – дело нереальное и чреватое многими заблуждениями. Соединение же всего этого материала в единое целое и комплексное его изучение могут пролить новый свет на историческую обстановку в низовьях Дуная» (Podossinov, 1985).

При дефиците свидетельств по этнопсихологии населения Северо-Западного и Восточного Причерноморья, происходящих непосредственно из произведений Овидия, наличествующая информация все же позволяет пролить свет на обобщенный портрет жителей указанного региона. Действительно, небеспристрастность поэта, обусловленная как объективными, так и субъективными причинами, постоянно ощущается в его текстах. «В отличие от Горация сельской жизни Овидий не любил» (Nemirovskii, 2000, p.185). Многочисленные гиперболы, символические детали передают отторжение, испытываемое Овидием в румынской ссылке.

Обилие отрицаний (*non, nec, negat, nolo, nihil*) в наррации подчеркивает психологическое неприятие своего нового положения. Но все же Овидий признает в этом «варварском краю» на «гетских берегах», «сарматской земле», в «дикости скифских гор» и «савроматских теснин» признаки культуры, которая в его представлении связана прежде всего с греческим влиянием. В любом случае, следует признать, что без учета сведений Овидия – одного из немногих античных очевидцев, оставивших письменные свидетельства – проблема вычленения этнопсихологических доминант жителей Причерноморья не может претендовать на исчерпывающее решение.

Овидий в румынской ссылке остается носителем римских традиций и ценностей, которые продолжают сохранять свое значение, и отношение поэта к жителям Причерноморья ярко показывает восприятие римлянином культурной инаковости. Не будем упускать из вида обусловленность авторского отражения этнопсихологии жителей этого региона ментальными установками самого поэта, в которых отразились основополагающие традиции, ценностные ориентации и разного рода идеологемы римской идентичности, уходящие своими истоками в глубокую древность. Изучение творчества Овидия в таком ракурсе самым непосредственным образом связано с проблемой изучения ментальностей. «Под ментальностью понимается уровень индивидуального и коллективного сознания, не отрефлектированного посредством целенаправленных усилий мыслителей, живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и автоматизированных реакций, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции (А.Я. Гуревич). Единство той или иной ментальности обеспечивается прежде всего разделяемыми в данной группе ценностями. В самой же системе ценностных ориентации того или иного коллективного субъекта необходимо различать по меньшей мере два уровня: один относится к этике, т.е. к формальному, как правило, публично санкционированному и поощряемому в данном обществе, идеологически обоснованному поведенческому коду, нормативному идеалу; второй же принадлежит к сфере практической морали, воплощенной в нравах, привычках, суждениях и оценках, используемых членами группы в их повседневной жизни – его можно обозначить понятием этос, который есть стиль жизни данной группы, принятая в ней иерархия ценностей, часто не совпадающих с теми, что являются предметом этики» (Makhlaiuk, 2004, pp. 17–18).

Художественно отображая свои первые годы изгнания, Назон, несмотря на свое «отняtie» у Рима («*Nasonis adempti*»), продолжает называть его «своим» («*Urbe meum*»). Поэт говорит, что «живет посреди варварства» («*in media vivere barbaria*») в окружении «диких» савроматов, бессов и гетов

(«*Sauromatae cingunt, fera gens, Bessique Getaeque*») (Ovidius, 2010). Отметим, что лексема «*barbaria*», достаточно часто используемая в текстах поэта, в его время и в его стране не несла столь негативную семантику, какой наделена в современном употреблении. В период принципата римляне называли «варварами» все те народы, которые находились вне культурного пространства греко-римской цивилизации, то есть всех не римлян и не греков. Данная лексема в определенной степени иллюстрирует свойственный древним римлянам этноцентризм, т.е. ощущение своей культурной исключительности и чувства превосходства по отношению к другим народам, ведь в античности считалось, что варвара автоматически определяли три обстоятельства: этническое, этическое (наличие пайдейи) и филологическое (знание греческого и латинского языка). В «Скорбных элегиях» (V, 10) поэт иронически обыгрывает это последнее обстоятельство, называя, по причине незнания местных языков, варваром себя, а не гетов, которые не говорят на латыни: «*Barbarus hic ego sum, qui non intellegor ulli, / et rident stolidi verba Latina Getae*» (Ovidius, 2010). Он отмежевывается от них и завязывает общение с правителем соседней Фракии Котисом VIII, который получил греческое образование, а также отличался гуманностью и литературным вкусом. Овидий посвящает ему 9 элегию II книги, где восхваляет его и его стихи, написанные, вероятно, на греческом языке.

Позиция античного автора по отношению к жителям Подунавья достаточно амбивалентна. Усиленное подчеркивание оппозиции «римское / варварское» свидетельствует о том, что за обличительным пафосом имплицитно присутствует определенный нормативный идеал римских качеств, который как раз и является для Овидия критерием, позволяющим оценивать те или иные явления. В его свидетельствах используется система топосов и понятий, в основе которой лежат ключевые ценностные оппозиции, определявшие мировосприятие автора. Анализ румынских элегий доказывает, что авторская система ценностей, с одной стороны, непосредственно коррелировала с основополагающими аксиологическими представлениями римлян, а с другой, модифицировалась в условиях жизни в провинции. С особой наглядностью это проявляется в сравнении первых и финальных описаниях жителей Мезии. Так, если в первых стихах румынского цикла Овидий жалуется на варварство как жителей Том, так и гетов в целом, называя их глупыми и грубыми, то в 12 элегии IV книги «Писем с Понта» поэт резко отрицает свою неприязнь к новым согражданам, уточняя, что жалуется он на место своего изгнания, а не на его жителей. Примечательно, что, намереваясь засвидетельствовать свое уважение к томитам, он называет их «греками», показывая этим, что только греко-римская культура заслуживает в его глазах назваться цивилизованной, поэтому народы, которые оказывают гостеприимство, «доброжелательны, как греки». Из написанных в Томах сборников элегических стихов мы

знаем, что во время последних лет изгнания римлянин выучил язык гетов и сарматов: «*Nam didici Getice Sarmaticeque loqui*» (Ovidius, 2010).

После смерти императора Августа римский поэт читает гетам на форуме в Томах стихи, которые он сочинил на их языке в похвалу императора, и получает от них восторженные похвалы. Жители тогдашней Констанцы и нескольких других западнопонтийских городов полностью признали талант и поэтический дар Овидия, провозгласили его почётным гражданином города, увенчали священным венком и почтили его освобождением от уплаты налогов. В последних «Посланиях с Понта» заметны изменение тона, более позитивная окраска сообщений о местной жизни, перестановка акцентов в оценке реалий и условий томитанского существования поэта. Он с благодарностью отзывается о теплом к нему отношении и даже утверждает, что ему «мил» приютивший его город: «*tam mihi cara Tomis, patria quae sede fugatis*» (Ovidius, 2010: *Ex Ponto* IV, 14, 59). Овидиевское слово стало, очевидно, решающим фактором, определившим поведение и конкретные действия по отношению к нему со стороны жителей западнопонтийских городов. Его авторитет определился поэтому не столько его происхождением и личной харизмой, сколько силой его красноречия, посредством которого установился особый модус взаимоотношений поэта и местного населения. Таким образом, уважение к ораторскому слову было древним и традиционным для западнопонтийских этносов, а искусное владение публичной речью – важным фактором их социальной жизни.

Нарративная организация произведений румынского цикла эксплицитно и имплицитно передает этнопсихологические доминанты томианской общины. Безусловно, тексты Овидия освещают в основном бытовые реалии и дают довольно небольшую, хотя и ценную, информацию о духовном облике этносов Подунавья, однако взятые в комплексе, эти данные позволяют дополнить их обобщенный портрет любопытными штрихами. Нижнее Подунавье было миром с особыми обязательствами. Это общность, где честь была связана с высоким престижем физической силы, храбрости и смелости. Тексты Овидия свидетельствуют, что эти люди еще долго не хотели смириться с римским владычеством в этом регионе. Недаром поэт постоянно сетует на воинственных гетов, то и дело совершающих вылазки с северного берега Дуная. Последующая история гетских племен, в которой наиболее ярким событием стала в I - II вв. н.э. борьба Децебала с римским завоеванием, доказывает устойчивый характер данных качеств у гетского (дакийского) этнического элемента.

Овидий уделяет пристальное внимание отдельным сторонам этноментальности жителей Нижнего Подунавья. При сравнительно узком круге тем и сюжетов, которыми ограничивался Овидий при описании жизни в Томах, поэт сумел художественно интерпретировать историю этих людей,

их обычаи, легенды, природу. Вот как об этом пишут историки: «Как контраст столице встает из «Тристий» затерянный в степи, окруженный варварами городок, не только лишенный мало-мальских удобств, но и постоянно испытывающий угрозу нападения незамиранных дикарей. Как прекрасно описание города с замерзающей зимой рекой, заиндевших на морозе бород и усов его обитателей, унылой степной равнины, впервые в литературе получившей сравнение с безбрежным морем. Степь и причерноморская природа впервые обрели поэта» (Nemirovskii, 2000, p. 187).

Окружающий мир подается Овидием не только как материальная, но и как духовная данность. Природа вообще выступает и своеобразным фоном для выражения внутреннего состояния нарратора, и в какой-то степени своеобразным действующим лицом, которое имеет значительное влияние на состояние людей и их судьбы. Нередко она наделяется поэтом негативными тонами, изображается в виде грозной силы. Природа выступает как живое «я», а не безличное «оно». Это однопорядковая человеку реальность, с которой надо обращаться как с себе подобной и от которой можно ожидать сходных реакций: неудовольствия или умиротворения, заслуженной защиты или немотивированной агрессии. Активно функционирует в произведениях пейзаж-метафора, пейзаж-сравнение, пейзаж-прогноз. Приведем примеры: «Dum tamen aura tepet, medio defendimur Iistro: / Ille suis liquidus bella repellit aquis» (Всё-таки, пока стоит тепло, мы защищены водами Истра: / он отвращает войны течением своих вод.); «At cum tristis hiems squalentia protulit ora, / Terraque marmoreo est candida facta gelu, / Dum prohibet Boreas et nix habitare sub Arcto» (А когда печальная зима покажет своё задубелое лицо / и земля станет белой от мраморного льда, / когда Борей и снег не позволяют жить под Арктом); «Indurat Boreas perpetuamque facit» (Укрепляет Борей и делает вечным); «Et quamvis Boreas iactatis insonet alis» (И пусть Борей гудит, размахивая крыльями) (Ovidius, 2010). В этих стилистических средствах отражена способность чувствовать единство с природой, внутренняя потребность видеть в каждой части окружающей среды живое существо, а также умение передавать синхронность состояния природы и человека, ментально привязанного к высшей реальности первоначального бытия, когда природе принадлежала особая роль в в его жизни.

Для понимания ментальности и идеологии этносов, населяющих причерноморский регион, большое значение имеет выделение сакральных основ их религиозных культов. Известно, что каждая культура имеет свои отношения с Богами. Обратимся к элегии «Коте Максиму» (книга III «Писем с Понта»), которая, на наш взгляд, является одной из самых репрезентативных в обозначенном аспекте. Так, родившийся в Скифии старик утверждает, что он не стыдится своей Отчизны, и что люди там почитают

сестру Феба, а ее величественный храм красуется мощными колоннами, к которым ведут сорок ступеней:

*Haec ego sum terra – patriae nec paenitet – ortus.
Consortem Phoebi gens colit illa deam.
Templa manent hodie vastis innixa columnis
perque quater denos itur in illa gradus* (Ovidius, 2010).

Таким образом произведение Овидия свидетельствует о развитом у древних скифов культе богини Артемиды (римляне отождествляют ее с Дианой), в храме которой приносятся человеческие жертвы. Этот обряд описывается следующим образом:

*Femina sacra facit taedae non nota iugali,
quae superat Scythicas nobilitate nurus.
Sacrifici genus est, sic instituere parentes,
aduena uirgineo caesus ut ense cadat* (Ovidius, 2010).

Как известно, Артемида во многом близка древним богиням-матерям, подобным Кибеле и Иштар. С ней нередко отождествлялись пособница рожениц Илифия, богиня мрака и покровительница чародеев Геката, олицетворяющая Луну Селена. Артемида в своей древней ипостаси защищает женщин и детей, облегчает страдания умирающих, она ассоциируется одновременно и с рождением, и со смертью.

Таким образом, повествование актуализирует не только «внешние атрибуты» (этнографические, бытовые), но также характеристики и стереотипы, отраженные в духовной культуре, своеобразную этнопсихологическую ауру. Ее основные доминанты фиксируют содержательные единицы (лексемы, фраземы), выступающие в текстах Овидия носителями латентной этнокультурной семантики, которая представляет самосознание, менталитет, отражает результаты когнитивной деятельности сообщества, аксиологические стороны бытия, прагматические оценки и нравственные самооценки, дает представление о философской подоплеке этноязычного сознания жителей Подунавья. Проанализируем овидиевские свидетельства: «Nis quoque Sauromatae iam vos nouere Getaeque, / et tales animos barbara turba probat» (Употребленная в этой цитате латинская лексема *animus* означает *дух, мысль, душа, чувство, мысль, характер*); «Cumque ego de uestra nuper probitate referrem» (существительное *probitas* переводится как *честность, порядочность*); «Nos quoque amicitiae nomen, bone, nouimus, hospes» (*amicitiae nomen* означает *понятие дружбы*, а *hospes* обозначает как *чужеземца, так и гостя, находящегося с кем-то в отношениях гостеприимства, и хозяина, оказывающего гостеприимство*) (Ovidius, 2010). В выделенных лексических единицах сосредоточены фундаментальные ценностные представления, связанные с понятиями

духовности, дружбы и чести. В качестве дополнительной иллюстрации вышесказанного вспомним, что Геродот называл гето-даков «самым справедливым и самым храбрым из народов» за их веру в бессмертие души и отсутствие боязни смерти.

Стремление этих людей к справедливости имплицитно читается в 13 элегии IV книги «Писем с Понта». Здесь показана вербальная и эмоциональная реакция гетов на прочитанный Овидием на их языке стих во славу императора, немногословно, но емко раскрывающая также их умение сопереживать и сочувствовать:

*Haec ubi non patria perlegi scripta Camena,
venit et ad digitos ultima charta meos,
et caput et plenas omnes mouere pharetras,
et longum Getico murmur in ore fuit,
atque aliquis «Scribas haec cum de Caesare» dixit
«Caesaris imperio restituendus eras» (Ovidius, 2010).*

В произведениях Овидия румынского периода наглядно воплотились наиболее ценимые римлянином в томидах качества: их верность, стойкость, способность сопереживать, а главное «эллинская» доброта, которая, по мнению поэта, отсутствует у его соотечественников. 14 песня IV книги «Посланий с Понта» восхваляет это качество в ярком метафорическом обрамлении:

*Molliter a vobis mea sors excepta, Tomitae,
tam mites Graios indicat esse viros.
Gens mea Paeligni regioque domestica Sulmo
non potuit nostris lenior esse malis (Ovidius, 2010).*

Заключительные строки этой элегии, на наш взгляд, являются своеобразной поэтической благодарностью, провозглашенной томидам, полным признанием их высоких моральных и душевных качеств, за которые они заслуживают «мира и тепла»:

*[...] tam mihi cara Tomis, patria quae sede fugatis
tempus ad hoc nobis hospita fida manet;
di modo fecissent, placidae spem posset habere
pacis et a gelido longius axe foret (Ovidius, 2010).*

Таким образом, концентрация внимания исследователей не только на специфике социальных связей прославленного римского поэта Публия Овидия Назона, его отношениях с «сильными мира сего», но и на ментально-психологической направленности его творчества, обеспечивая существенное приращение конкретных знаний по истории Рима и подчиненных ему территорий, открывает новые возможности для более

глубокого понимания важнейших закономерностей развития и становления этносов и подводит к широкому анализу кардинальных основ европейской цивилизации вообще. При всех достижениях на этом исследовательском поле, еще остаются недостаточно изученные проблемы, требующие дальнейших конкретных изысканий и теоретических осмыслений. Данное направление исследований предполагает полидисциплинарный подход, обращение к системе понятий и концепций ряда наук, в частности, истории, социологии, этнопсихологии и др.

References

- Gaertner, J. F. (2001). *A Commentary on Ovid Epistulae Ex Ponto I.1-6*. London: University of Oxford, 656 p.
- Gaertner, J. F. (2005). *Ovid: Epistulae ex Ponto*. London: Oxford University Press, 606 p.
- Gasparov, M. (1982). *Овидий в изгнании / Ovid in exile // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Tristia. Letters from Pontus*. – М.: Наука. С.189, 224 с.
- Darcos, X. (2009). *Ovide et la mort / Ovid and death*. PUF. Coll. «Hors collection», 472 p.
- Drimba, O. (1963). *Овидий. Поэт Рима и Том / Ovid. Post of Rome and Tomis*. – Бухарест: Меридиане.
- Makhlaiuk, A. V. (2004). *Традиции, ментальность и идеология римской императорской армии / Traditions, mentality and ideology of the Roman imperial army: Автореф. дисс. ...докт. истор. наук*. – Нижний Новгород. – 47 с.
- McGowan, M. (2009). *Ovid in Exile: Power and Poetic Redress in the Tristia and Epistulae Ex Ponto*. – Boston: Brill, 261 p.
- Moreva-Vulikh, N.V. (2000). *Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. / Roman classicism: creative works of Virgil, lyrics of Horace*. – Санкт-Петербург: Академический проект, 272 с.
- Nemirovskii, A. I. (2000). *История древнего мира: Античность. / Ancient History: Antiquity*. – М.: Владос. Ч. 2. – 480 с.
- Ovidius Naso, P. (2010). *Tristia. Ex Ponto / Tristia. Letters from Pontus*. The Latin Library. Retrieved from <http://thelatinlibrary.com/ovid.html>.
- Podossinov, A. (1985). *Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий / Works of Ovid as a source on the history of Eastern Europe and the Caucasus: Texts, translation, comments*. – М.: Наука, 287 с.